

**ДУХОВНЫЙ РЕАЛИЗМ В ВОСТОЧНОЕВРОПЕЙСКИХ
ЛИТЕРАТУРАХ НАЧАЛА XX ВЕКА
(НА МАТЕРИАЛЕ ТВОРЧЕСТВА ПИСАТЕЛЕЙ,
СВЯЗАННЫХ С ТВЕРСКИМ КРАЕМ)**

Валерий А. РЕДЬКИН (Твер, Россия)

Сердцевиной духовности России является её тысячелетнее лоно христианства в его подлинно национальной, избранной нашими предками ипостаси православия, с его соборностью, терпимостью, человеколюбием, открытостью Божественному откровению. Вера в Бога, в существование иного мира постигается не из учебников, не из наставлений родителей и учителей и, даже, не из Священных книг. Прежде всего, она опирается на живой религиозный опыт. С. Н. Булгаков считал, что у человека существует особый орган „религиозного ведения“ и подчеркивал: „Кто не хочет принять здесь единственно простой и естественной (но почему-либо для него метафизически недопустимой) гипотезы религиозного реализма, тот должен противопоставить ей теорию массовых галлюцинаций и иллюзий или же... „выдумки жрецов!“¹. По его словам, в религиозном переживании дано „непосредственное касание мирам иным, ощущение высшей божественной реальности“. То есть, для человека верующего в инобытие, духовная ипостась бытия не менее, а более реальна, чем видимая нам физическая материя, природный и социальный миры.

Сейчас в нашем литературоведении идет поиск термина для обозначения метода изображения жизни, при котором иной мир выступает как высшая реальность, но это не романтическое двоemiрие, не условный прием и не просто мистика. В этом смысле термин „метареализм“ имеет слишком расширительное значение, а, скажем, выражение „духовные стихи“ – напротив, слишком узкое, предполагающее не светское, а религиозное содержание. Понятие духовного реализма предложил ввести А. П. Черников в применении к И. С. Шмелеву, опираясь на определение, данное самим писателем, который назвал свое последнее произведение „Пути небесные“ – „опытом духовного романа“, и исследователь вполне обоснованно распространяет эту дефиницию на особенности все-

го творчества И. С. Шмелева в целом. Литературовед относит к методу духовного реализма творчество писателя, „обладающего цельным православным мировоззрением“, в котором „с высокой степенью эстетического совершенства проявилась гармоническая связь земли и неба, устремленность к Абсолюту и глубокий интерес к делам земным, к человеку, к его жизни и духовным исканиям, к историческим судьбам родины“². Но этими чертами с разной степенью постижения исторического православия обладает творчество З. Гиппиус, Д. Мережковского, А. Ахматовой, Д. Андреева, М. Пришвина, Л. Леонова, ряда современных поэтов православной ориентации (Н. Карташовой, О. Гречко, Л. Патраковой и др.). Те же тенденции можно обнаружить у некоторых украинских и белорусских писателей. С этой точки зрения, духовный реализм был основой мировидения таких значительных писателей, связанных с Тверским краем, как В. Шишков, А. Ахматова, Ст. Гумилев, С. Дрожжин, С. Клычков, поэты Тверского никитинского общества 20-х годов.

Вячеслав Шишков – гордость Верхневолжья. Маленький уездный город Бежецк подарил его талант Сибири и Алтаю, Петербургу и Москве, всей России. Он один из самых популярных, читаемых прозаиков, и его творчество невозможно рассматривать вне поиска истины в нравственном, онтологическом и философском планах. В этом отношении, это верный последователь той линии русской литературы, которая связана с именами А. С. Пушкина, Н. В. Гоголя, Ф. М. Достоевского и Л. Н. Толстого.

В творчестве В. Шишкова, в мировосприятии которого вера занимает важнейшее место и на которого огромное влияние в юности оказал святой русской православной церкви Иоанн Кронштадтский, идет поиск истины в понимании Бога, человека, природы, народа, добра и зла, смысла жизни. В системе его нравственных ценностей на первом месте духовно-религиозное начало, основанное на традиционном русском православии с его милосердием, состраданием, соборностью и полным неприятием гордыни, хотя вера конкретного героя подчас приобретает черты народной традиции с элементами язычества и пантеизма, отличаясь от догматов исторического христианства. Но если в душе персонажа преобладают главные заповеди Христа: любовь к Богу и любовь к ближнему, то симпатии автора полностью на его стороне.

Из рассказа в рассказ у Шишкова решаются онтологические проблемы, идет поиск веры. Этот вопрос волнует и бродягу, и интеллигента, и крестьянина, и молодого героя, и старого. С болью и заинтересованностью говорят об этом Ванька Хлюст из одноименного рассказа. Человек, несущий Бога в сердце, способен и на жалость, и на сочувствие, и на любовь. Скепсис и безверие губительны. Душа пуста и ей, как это понимается по евангельской традиции, овладевают бесы. Писатель исследует феномен зла и способы его преодоления. Многие его герои, пройдя через отрицательный опыт, страдая и раскаиваясь, обретают „божью

правду“ и очищают свою душу. Иван Безродных в рассказе „Каторжник“, в прошлом убийца, обрекает себя на изгнание и мученичество, приобретая постепенно черты святости. „То каторжника перед собой я видел, сутулого, с жутким, исподлобья, взглядом... – передает свое впечатление автор-повествователь, – то – удивительное дело – передо мною вставал образ ушедшего от мира старца, готового тянуться трясущимися руками к заре, чтобы поцеловать край неба“³.

Но как сочетать православие и язычество, к изображению носителей которого В. Я. Шишков и другие тверские писатели не раз обращались в своих произведениях? Надо напомнить, что, по словам С. Н. Булгакова, в язычестве человек „ищет Бога“ и оно содержит в себе „положительное знание о Боге, некое о Нем откровение. Жажда встречи с Богом в язычестве даже распальнее, чем в откровенной религии (иудеохристианской – В. Р.), искания пламеннее, испущенное, мучительней“. Недаром на язычестве лежит „дымка печали, отчаяния и безответности“, и все же в нем православный философ усматривает „определенный аромат, глубину и возвышенность“⁴.

Религия „не может сообщаться внешне, почти механически, как знание, ею можно лишь заразиться“⁵ – подчеркивал Сергей Булгаков. „Бог есть навеки неведомая, недоступная, непостижимая, неизреченная Тайна, к которой не существует никакого приближения“⁶. Вот это ощущение тайны и составляет особенность духовного реализма. Тайны Бога, тайны мира, тайны человека. В творчестве В. Я. Шишкова явственно ощутима великая загадка жизни и смерти, непостижимость бытия. Не случайно в одном из писем он писал о возможности приоткрыть „дверь в великую тайну мира“⁷, а незадолго до смерти, по словам М. Пришвина, испытывал „что-то такое, что его изумляло и приводило в душевный трепет“⁸.

Религиозно-христианские ассоциации проникают в образную систему В. Я. Шишкова, в описания природы, быта, внутреннего состояния человека. „Хвойный запах тайги проникал в оконце, – пишет он, например, в рассказе „Каторжник“, – и от этого казалось, что на каменке тлеет ладан и голубыми струйками стелется по землянке“ (2.45). Такой картиной писатель добивается сразу нескольких целей: освящает природу, создает ощущение особой доверительности и исповедальности разговора и сближает убогое жилище каторжника с кельей или землянкой в скиту.

Элементы мистики, иррационального в мире, которые ощущает и сам автор, начали вторгаться в его произведения буквально с первых публикаций и до романов „Угрюм-река“ и „Емельян Пугачев“. Конечно, некоторые критики это рассматривали как признаки условности, фантастики, романтического видения мира и т. д. Но если взглянуть на все творчество Шишкова в целом, то становится ясно, что это не эпизод, не художественный прием.

С проблемами веры связаны многие внешние и внутренние конфликты произведений В. Я. Шишкова. При этом, развитие идет в сторону углубления подтекста. Точно, как реалист, В. Шишков передает церковные обряды. Но у него нет в этих описаниях литургического начала, внутренней восторженности, как, допустим, у И. Шмелева, но нет и сарказма Л. Н. Толстого, использовавшего приемы „остранения“.

В. Я. Шишков постоянно подчеркивает, что молитва должна быть добросердечной, прочувствованной, непритворной. Только в этом случае она может быть действенной. Но чаще всего люди говорят сухие, хоть и громкие и жалобные слова, не затрагивающие даже собственную душу. Известно: „Где нет молитвы, там нет религии“⁹. По словам С. Булгакова, когда молитва услышана, когда она „горяча и вдохновенна“, она содержит в себе „достаточное“ и „единственно возможное“ удостоверение в существовании Бога. Герои повести „Пейпус-озеро“, соблюдая христианские обычаи, перед рискованным переходом через озеро помолились, встав на колени, а потом по-братски поцеловались. В данном случае молитва была короткой, но „пламенной“, и природа становится как бы знаком, что она услышана: „Звезды как будто запылали ярче, и даль раздвинула пути“ (2.325).

Человек у В. Я. Шишкова противоречив, его нельзя объяснить логическим путем. Многие его герои ведут внутренний диалог с alter ego, с чертом, черной „совестью“, по-разному это недоброе начало в мире, проникающее в человека, именуется у писателя. Второе я возникает то как „голый голос“, то как черт, то как черный человек, то как голубой клоун. По сути, это бес-соблазнитель ведет разговор с совестью человека, соблазняет и „прельщает“.

Особый интерес представляют духовные поиски В. Я. Шишкова в сфере отношения христианского мировосприятия к революции. Многие литературоведы пытались противопоставить писателя русской внешней и внутренней эмиграции, заявляя, что он „всем сердцем принял революцию“. Однако это далеко не так. „В глубине проклятый червь сомнения...“¹⁰, – признавался писатель в 1917 году. Если и возникали у него иллюзии и радостные надежды, то связаны они были с воплощением на Земле христианского идеала, когда „человечество почувствует себя истинным небожителем“ и утвердит „царство небесное, завещанное миру народной совестью – воскресшим Иисусом“¹¹. В рецензии на вторую книгу сборников „Скифы“ В. Я. Шишков писал о А. М. Ремизове, во многом имея в виду и себя: „Он не приемлет насилия и по-своему, по-кержацки, верит, что правда Божия загорается не так“¹². Смерть невинных жертв, разорение Земли Русской В. Шишков принять не мог.

Словами Бакланова из „Таёжного волка“ о „слепой человеческой правде“ и „светлой правде“ В. Шишков ясно выразил свое отношение к событиям революции и пореволюционной России. „Людская правда – круг на оси крутится, как колесо... А настоящая-то, не межеумочная, не

сегодняшняя правда не на колесе скользящем, а на оси незыблемой“. Здесь в образной форме воплощена мысль о вневременной, абсолютной, недостижимой истине, которую может нести в себе только Бог. В. Я. Шишков остается верен принципам духовного реализма до конца своей жизни. Это относится и к романам „Угрюм-река“ и „Емельян Пугачев“.

Фактически на позиции духовного реализма перешел, резко отмежевавшись от символизма, и другой наш земляк по своей родословной, один из великих поэтов Земли Русской XX века, Николай Гумилев. Создавая акмеистическую эстетику, Гумилев шел к принятию Бога и этических норм, санкционированных авторитетом православного христианства. „Поэзии и религия – две стороны одной и той же монеты. И та, и другая требует от человека духовной работы. Но не во имя практической цели как этика и эстетика, а во имя высшей, неизвестной им самим,“¹³ – писал он в статье „Читатель“.

К. В. Мочульский, близкий знакомый Гумилева, участвовавший в дискуссиях о природе акмеизма, так комментировал гумилевский „манифест“: „Символизм считал мир своим представлением, а потому иметь Бога не был обязан. Акмеизм поверил, и все отношение к миру сразу изменилось. Есть Бог, значит, есть и „иерархия в мире явлений“, есть „самоценность“ каждой вещи... Дерзания мифотворцев и богоборцев сменяются целомудрием верующего зодчего: „труднее построить собор, чем башню“.¹⁴

Духовный кризис у Н. Гумилева, приведший поэта к вере, разрешился в годы Первой Мировой войны. В системе поэтики этот перелом особенно ярко проявился в сборнике „Колчан“ (1916). Но поиск свободной личностью *веры как гармоничного и устойчивого, цельного состояния бытия* шел незаметно долгие годы до этого.

Истоки личности поэта находятся в его детстве. Николай Степанович Гумилев родился и вырос, как и В. Шишков, в семье безусловно православной. Всю жизнь поэт помнил завет матери: „... Наука многое сделала для человечества, но жалка та наука, которая хотела бы заменить собой святость веры“¹⁵. Анна Гумилева, жена старшего брата поэта, вспоминает: „Коля любил зайти в церковь, поставить свечку и иногда долго молился перед иконой Спасителя. С детства он был религиозным и таким же остался до конца своих дней – глубоко верующим христианином. Но по характеру он был скрытный и не любил об этом говорить“¹⁶.

Воспитывался поэт и на славных традициях своих предков-мужчин. По линии отца была унаследована кровь нескольких поколений священнослужителей, лишь отец поэта – Стефан Яковлевич изменил обычаю и стал военным врачом. Мать происходила из древнего дворянского рода. 23 сентября 1914 года Николай Гумилев добровольцем отправился на войну. А. Я. Левинсон вспоминает: „Патриотизм его был столь же безоговорочен, как безоблачно было его религиозное исповедание...“¹⁷. „Колчан“ – книга связанная с войной, и первая книга, где Гумилев открывает

16. Търновска книжовна школа. Т. 7

свою истинную веру. „Вижу свет на горе Фаворе...“ (с. 214) – утверждает поэт. Духовная приподнятость, „преображение“ духа находит выражение в церковнославянской лексике, в многочисленных цитатах и реминисценциях из Библии. Почти каждое стихотворение прямо или косвенно отсылает нас к Священному писанию. В мире поэт ощущает присутствие Бога. Гумилев объясняет это свое состояние в одном из писем: „Каждый предмет представляет собой око, через которое мы можем посмотреть, заглянуть в самую бесконечность?“¹⁸ В стихотворении „Канцона II“ он заявляет: „Храм Твой, Господи, в небесах, Но земля тоже твой приют...“ (с. 243). Принципиально значим у Гумилева образ апостола Петра. В стихотворении „Апостол Петр, бери свои ключи“ поэт ощущает *прикосновение* к Богу: „Мне часто снились райские сады, Среди ветвей румяные плоды, Лучи и ангельские голоса, Внемировой природы чуда“¹⁹.

В „Записках кавалериста“ Гумилев описывает ощущение духовности происходящих вокруг событий „... *Чувство странного торжества* переполняет мое сознание. Вот мы, такие голодные, измученные, замерзающие, только что выйдя из боя, едем навстречу новому, потому что нас принуждает к этому *дух*, который так же реален, как наше тело, только бесконечно сильнее его...“²⁰.

А. А. Ахматова, имя которой неразрывно связано с Тверским краем, со Слепневым, где она ежегодно гостила до своего разрыва с Николаем Гумилевым, в стремлении к исповедальности и предельной искренности воплощала в своем творчестве единство духа и плоти, землю и Небо, передавала ощущение существования ада и рая. В целом её творчество – это психосоаноанализ, но не в фрейдовском смысле, а в значении постижения сущности Бога и первородного греха в человеке, истины, явленной в Откровении и собственном духовном опыте.

Все творчество А. Ахматовой пронизано ощущением таинственности жизни. Присутствие каких-то непостижимых сил в стихах нарастает. Для неё характерна формула: „Тайна тайн во мне опять“. Связь с иным миром проявляется таинственно и непостижимо, но мифологическое сознание твердо утверждает, что она есть. У неё возникают окна в потустороннюю реальность. Переход в мир, „где голоса незримых прозвучат“, рисует Ахматовой почти как у Моуди в книге „Жизнь после смерти“: „А дальше свет невыносимо щедрый, Как красное горячее вино... Уже душистым раскаленным ветром Сознание опалено“²¹.

Смерть в одноименном триптихе представляется как вечная жизнь: „Смерти нет – это всем известно...“ – утверждает автор в „Поэме без героя“. Образ темных сил, образ „князя мира сего“ у Ахматовой существует как бы на стыке мифологического сознания и христианской веры, часто преломляясь в национальной литературной традиции. Здесь и фольклорно-гоголевский черт: „Хвост задрал под фалды фрака... Как он хром и изящен...“, и лермонтовский Демон: „Демон сам с улыбкой Тамары,

Но такие таятся чары в этом страшном дымном лице“ (292). В эмоционально насыщенном образе у Ахматовой сопрягается идущая от мифа гордыня с сочувствием Демону и христианское страдание и тоска по единению и любви. Иерархию духовных ценностей от безмерного зла до высокого добра символизируют в поэзии Ахматовой традиционные образы ада и рая, бездны и цветущего сада.

Поэзия Ахматовой буквально пронизана библейскими образами и мотивами, миницитатами и аллюзиями священных книг. Кульминацией трагической судьбы матери в поэме „Реквием“ становится глава „Распятие“, что совпадает с кульминацией всей истории в христианском её понимании. Поражает такт и благоговейная чистота обращения Ахматовой к Священному писанию. Во всех четырех Евангелиях не говорится о том, как мать Богородица реагировала на смерть Христа. „Почему?“ – как бы задает вопрос поэт: „Магдалина билась и рыдала, Ученик любимый каменел. А туда, где молча мать стояла, Так никто взглянуть и не посмел“²².

Ориентирована на духовно-религиозные национальные традиции и жанровая система поэзии Ахматовой. Широко используются ею такие формы лирики, как исповедь, проповедь, предсказание, молитва. В ряде стихотворений она непосредственно обращается к Богу: „Господи, помилуй нас“, „Христос, помоги“, „Боже, мир душе верни“. В жанре молитвы поэт выражает свою глубокую веру в Пресвятую Троицу, безмерную Божественную Любовь, Царствие Небесное, решительно отвергает дьявольские искушения, искренне кается в своих грехах и выражает надежду, что в страдании душа обогатится и спасется: „Дай ты мне молодость трудную. Столько печали в пути. Как же мне душу скудную Богатой тебе принести?“

Поэт приобретает мудрость вечной благодарности Богу: „Думали нищие мы: нету у нас ничего, А как стали одно за другим терять... Начали песни слагать О великой щедрости Божьей“, – пишет она в одном из стихотворений „Белой стаи“. Как верующий человек она обращается к Богу за благословением. Все, что связано с Божьим храмом, церковным преданием и обрядом вызывает у Ахматовой самые возвышенные, светлые и нежные чувства. Революция и война воспринимаются ею как проявление гнева Господня. В стихотворении „Июль 1914“ воспроизводится предсказание Иоанна Богослова.

В целом для Ахматовой характерно ощущение катастрофичности эпохи. Образ Христа влияет на ценностные ориентиры поэта, проникает в духовную ткань её стиха. Конечно, идеи религиозного обновленчества эпохи серебряного века оказали влияние на Ахматову. Её вера не ущемляла духовной свободы. Но она никогда не углублялась в религиозные споры, твердо оставаясь в лоне святоотеческой церкви от негасимой лампадки перед иконой в девичьей до панихиды в Никольском соборе по её

завещанию. Идеи христианства проявляются в нравственно-этических основах её личности и её творчества.

Исследования последнего времени позволяют говорить о духовном реализме и такого известного тверского и, в целом, русского крестьянского поэта, как Спиридон Дрожжин. В советских изданиях тексты его стихов серьёзно искажались и препарировались. Все, что было связано с верой, Богом, Храмом безжалостно вымарывалось. Такие значительные произведения этого автора, как „Былина о крещении Руси“, „Молитва матери“ и вообще стихи с жанровым обозначением „молитва“ не вошли ни в одно советское издание. Кроме того, нам удалось обнаружить и установить, что остались неопубликованными те произведения, в которых с присущей для поэта болью звучал, как и прежде, его голос о народных страданиях в новое послеоктябрьское время.

Идеалы С. Дрожжина, как показывает анализ его творчества, коренились в православной вере. Классовое содержание его поэзии искусственно акцентировалось. „Он радостно встретил Октябрьскую революцию, увидев в ней осуществление мечты трудящихся“²³, – подчеркивалось, например, в Краткой Литературной Энциклопедии. Если кто-либо и признавал, что Дрожжин был „не певцом борьбы“²⁴, то это расценивалось как недостаток или ошибка поэта. На самом деле, в центре внимания у него нравственный, этический аспект оценки человека и его поступка. Важно, способен ли он сострадать, сочувствовать, быть милосердным.

Впрочем, миф о четкой политической ориентации поэта легко развеять, обратившись к архивным материалам.

Победы белых, победы красных.
И это вздор,
Когда голодных и несчастных
Встречаешь взор, –
Взор умоляющий, скорбящий,
Как в смертный час,
Ну, словом, голод настоящий
Теперь у нас²⁵.

писал он 24 марта 1919 года в стихотворении „Из письма к другу“²⁶. Здесь рисуется не лицо, а лик русского многострадального человека. Слово „скорбящий“ невольно вносит религиозный оттенок, вызывая ассоциации со скорбящим ликом иконы Божьей матери.

С. Д. Дрожжин очеловечивает природу в стремлении подчеркнуть единство Божьего мира. В его поэзии ощутима тайна и загадочность бытия. В стихотворении „Молитва“ („К тебе, мой Боже...“) выражается понимание Дрожжиным цели своего творчества как высочайшего духовного служения. Он обращается к Творцу в теплой молитве с просьбой: „Открой мне книгу Твою живую, В которой тайны Земли и неба“. Без

Божьей правды поэт представляет себя „бродящим во тьме“. Когда у Дрожжина возникает образ „мудрой, священной книги“, видимо, имеется в виду апокрифическая „Голубиная книга“ как символ Божьей правды и высокой духовности, с проповедью которых и хотел бы поэт выступить перед читателями, перед народом, „Чтоб, озаренный Лучами мысли, Все воплотивший В живое слово, Я мог поведать Твоим созданьям О жизни духа в Вечном царстве Его над миром“²⁷.

Он как бы предчувствует возможность чуда, а порой испытывает мистическое чувство предопределенности судьбы. Встает вопрос о влиянии на мировоззрение Дрожжина не только канонического христианства, но и представлений древних славян, которые невольно входят в произведения поэта через фольклор.

Широко используются поэтом библейские образы-символы: крест, храм, небо, благодать и т. д. Его герой „Несет свой крест с судьбой не споря“ и „молитвенно свой взор бросает в небеса“. Лирический герой Дрожжина является национальным характером в его исторической глубине и перспективах развития. Самое страшное – это разорение национального мира. Отсюда столь высок его трагический пафос в годы революции: „Мне страшно жить! О где же храм, В котором в детстве я молился?! Народ не молится уж там, И он в руину превратился“²⁸.

Долгое время у нас замалчивалось или извращалось творчество тверских поэтов 20-х годов, принадлежащих к литературно-художественному обществу имени И. С. Никитина. Созданное в 1919 году, оно объявило себя „вне политики“, заявив тем самым о своей оппозиционности официальной доктрине пролеткульта. Трагичность судьбы никитинского общества заключалась в том, что поэтов, входивших в него, с самого начала стали воспринимать как „саботажников“, „врагов“ и „эсеров“. Раскол между тверскими литераторами, в основе которого лежало противостояние мировоззрений, уже изначально предопределил дальнейшую творческую судьбу многих никитинцев, большинству из которых в дальнейшем пришлось оставить литературные занятия навсегда, а некоторые из них были репрессированы. В начале 1926 года деятельность общества была официально прекращена по политическим причинам.

Никитинцы установили творческие связи с С. Есениным, С. Клычковым, П. Орешиним и другими новокрестьянскими поэтами. Поддержал общество В. Брюсов. Тесные контакты были установлены литературным обществом с московским коллективом поэтов и критиков „Литературный особняк“ и его организаторами Н. Захаровым-Мэнским, Л. Красиным, Е. Волчанецкой, неоклассиками Всероссийского союза поэтов.

Особый интерес представляет творчество Н. С. Власова-Окского. Многие его стихотворения проникнуты восторженными поэтическими интонациями, их отличает оптимизм, радостное, мажорное настроение. Часто возникает фантастический образ мира – сказочно-прекрасного цве-

тущего сада, приобретающий черты библейского рая. Но хотя образ огня, пожара традиционен для русской революционной поэзии, здесь нет революционно-романтической однозначности: зверь революции, обгладывающий скелет построенного людьми мира, страшен, а путь бедняка лежит не в далекую Гренаду, не к мировой революции, а к небу. В центре внимания – духовное, традиционно-русское, фольклорное начало. В этом заключается своеобразие творчества Н. Власова-Окского.

Поэты-никитинцы стремились сказать не только о современности, но поднимали и вечные проблемы, опираясь на фольклорную символику, традиционные ценности национальной культуры. В. Юренев в своем творчестве стремился к исповедальности, психологизму, передаче своего субъективного отношения к жизни. Целый цикл стихов Владимир Юренев поместил под эпиграфом „Я пою мои грустные песни Не для вас, обитатели жизни...“. Для них характерна мистическая погруженность поэта в мир иррациональный, мир небытия, дарованное ему особое восприятие жизни с осознанием печального, но в то же время прекрасного движения к чему-то неведомому, незримому, но интуитивно ощущаемому. Смерть, которой страшится человек, на самом деле только переходный этап от жизни тяжелой земной к вневременной жизни души в потустороннем мире.

Познание сущности мира через познание самого себя, концентрация внимания больше на духовной, чем на физической жизни человека, мотив смерти, которая воспринималась не только без пессимизма, но и с определенной верой в вечную жизнь, во многом сближает поэтическую практику В. Юренева со „старшими символистами“ Д. Мережковским, Н. Минским, Ф. Сологубом, З. Гиппиус.

Идея растворенности души в прекрасном, огромном, непостижимом пространстве природы выражена М. Дудоровым в строках „Моя душа – Ржаное поле, А сердце – Песня соловья“. Поэт, признаваясь в любви к России, испытывает страдания за ее судьбу, с горечью подмечая, что после революции в жизни крестьянства никаких глобальных перемен не произошло: „Стоят, как старые галоши, Все те ж лачуги мужиков“, „Мы шли и, думая о счастье, Молитвы пели на пути... Пройдя ж осеннее ненастье, В иное царство не пришли“²⁹. Надежды, которые поэт связывал с революционным обновлением жизни, не оправдались. Большинство стихотворений М. Дудорова опираются на библейский текст. Драматически воспринимали новую эпоху поэты И. Синяков, Н. Рогожин, Е. Шаров.

К обществу тверских никитинцев тесно примыкала поэтическая группа из Осташкова, представленная именами Осипа Смольского, Зинаиды Варваркиной и Константина Берсенева, в творчестве которых особенно ощутимо влияние поэтов серебряного века. Творчество Варваркиной лежало в русле поэзии Ахматовой, что отмечала критика того времени как большой недостаток. Роднят лирику двух поэтов христианские мотивы. Их духовная близость – в православной вере, от которой беспечно от-

казывалась новая эпоха. С горечью писала З. Варваркина в стихотворении „Забытый храм“: „И стоит он всеми позабытый, Строг, задумчив лик у образов, Серым мхом и зеленью повитый, Затаив величие эпох“³⁰.

Исповедальность, психологизм, самовыражение личности, диалектика чувства в поэзии З. Варваркиной, близкие и понятные никитинцам, отвергались тверской пролетарской критикой. Закономерно, что у нее вышел только единственный сборник. Прекрасно понимая, что ее стихи не вписываются в революционную этику, Варваркина идет на „самоожжение“: „Я корабли свои сожгла, Последний запылал; В вечернем сумраке закат Лишь тихо догорал...“³¹.

А. Докучаем из Зубцова, пытаясь выйти на философский уровень постижения бытия, также передает ощущение духовной связи мира земного с миром ирреальным, неземным, звездным. Он так воспринимает послереволюционную эпоху начала 20-х годов: „Едкая, душная, смрадная Пальцами спрута Горло сдавила, угарная, Тьмою окутав... Гидра стоглавая, алчная Выросла снова...“³². Поэты-никитинцы вступали в конфликт с революционной идеологией, навязанной общественному сознанию. В их творчестве отчетливо выражены мучительный поиск истины и сомнения. Многие из них выходят на уровень философских вопросов, связанных с проблемами жизни и смерти, бытия и национальной жизни народа. Не случайно они развивали мотивы бессмысленности земной жизни, потерь, утрат, надежд на лучшее. Духовному миру в их поэзии отдается предпочтение, для них характерен приоритет внутреннего перед внешним. Исповедальности, психологизму придается огромное значение, в стихах выражается глубинный внутренний мир.

Таким образом, в творчестве ведущих литераторов, так или иначе связанных с Тверским краем, в первой четверти XX века главные ценности из мира внешнего, социального часто перемещались во внутренний мир человека. Эти ценности не всегда доступны рациональному сознанию. Личность всегда остается сокровенной, несет в себе некую тайну. Этим и привлекает к себе творчество В. Я. Шишкова и Н. Гумилева, А. Ахматовой и С. Дрожжина. Их творчество отражало общие закономерности развития русской, а шире и всех восточнославянских литератур, в которых формировался особый духовный реализм, основанный на тысячелетней православной культуре. В глубине их строки явно ощутим мерцающий и непостижимый смысл бытия. По словам русского религиозного философа Б. П. Вышеславцева, предельная глубина человека закрыта „в значительной степени и для него самого“³³. И только в творчестве человек раскрывает глубину своей личности, „бездну своего сердца“. „Творец-художник есть вместе с тем человек, духовное существо, несущий образ и подобие Божье, он же совершает нравственные и познавательные акты, он же верит и живет жизнью социальной“³⁴, – размышляет Н. А. Бердяев. Так и многие русские писатели, поднимающиеся к вершинам духовного реализма, насущные проблемы века: социальные,

политические, исторические, нравственные преломили через призму своей веры или её поиска. И в этом отношении они оставались внутренне свободными художниками, несмотря на все цензурные рамки и идеологическое давление.

БЕЛЕЖКИ

- ¹ Булгаков, С. Н. Свет невечерний: Созерцания и умозрения. М., 1994, с. 19.
- ² Черников, А. П. Проза И. С. Шмелева. Концепция мира и человека. Калуга, 1995, с. 316.
- ³ Шишков, В. Я. Собр. соч. в 8-ми тт. Т. 1. М., 1960, с. 555. Далее цитаты приводятся по этому изданию.
- ⁴ Булгаков, С. Н. Свет невечерний: Созерцания и умозрения. М., 1994, 277—278.
- ⁵ Булгаков, С. Н. Свет невечерний: Созерцания и умозрения. М., 1994, с. 30.
- ⁶ Там же, с. 91.
- ⁷ Шишков, В. Я. Неопубликованные произведения. Воспоминания о В. Я. Шишкове. Письма. Л., 1956, с. 286.
- ⁸ Воспоминания о В. Шишкове. М., 1979, с. 266.
- ⁹ Булгаков, С. Н. Свет невечерний: Созерцания и умозрения. М., 1994, с. 26.
- ¹⁰ Шишков, В. Дни восстания в Петрограде (Что видел и слышал) // Сибирская жизнь, 1917, № 76, с. 7.
- ¹¹ Там же.
- ¹² Первопуток (Псевдоним В. Шишкова) Скифы. Сборники. Кн. 2. П., 1917 // Вольная Сибирь, 1918, № 8, 17 марта, с. 4.
- ¹³ Гумилев, Н. С. Читатель, с. 59—60. // Гумилев, Н. С. Письма о русской поэзии. М., 1990.
- ¹⁴ Мочульский, К. В. Поэтика Гумилева. // Звено (Париж). 18 июня 1923. Цит. по изд.: Гумилев Н. С. Письма о русской поэзии. М., 1990, 286—287.
- ¹⁵ Свидетельствует Лукницкий, по крупицам собравший архивный материал о Н. Гумилеве: Лукницкая, В. Н. Гумилев. Жизнь поэта по материалам домашнего архива семьи Лукницких. Л., 1990, с. 19.
- ¹⁶ Гумилева Анна. Николай Степанович Гумилев, с. 113. // Н. Гумилев в воспоминаниях современников. М., 1990.
- ¹⁷ Левинсон, А. Гумилев, с. 215. // Николай Гумилев в воспоминаниях современников. М., 1990
- ¹⁸ Там же, с. 19.
- ¹⁹ Указ. соч., с. 118.
- ²⁰ Гумилев, Н. С. Записки кавалериста. // Гумилев, Н. С. Сочинения. В 3 т. Т. 2. М., 1991, с. 328—329.
- ²¹ Ахматова, А. Сочинения: В 2 т. М., 1986. Т. 1, с. 82.
- ²² Указ. соч., с. 194.
- ²³ Краткая Литературная Энциклопедия. М., 1964. Т. 2, с. 803.
- ²⁴ Куриленков, В. С. Д. Дрожжин // Дрожжин, С. Д. Стихотворения. М.-Л., 1948, с. 7.
- ²⁵ ТГОМ. КОМ № 4716/1/13.
- ²⁶ ТГОМ. КОМ № 4716/1/14.

²⁷ Указ. соч., с. 153.

²⁸ Дрожжин, С. Из песней военного времени // Тверской кооператор. 1919, № 10—12, с. 14.

²⁹ Дудоров, М. Под пеленой октябрьской бури...; Узоры. Тверь, 1922, с. 26.

³⁰ Варваркина, З. Лепестки. Тверь, 1924, с. 9.

³¹ Указ. соч., с. 3.

³² Докучаев, А. Излучины. Тверь, 1924, с. 13.

³³ Вышеславцев, Б. Значение сердца в религии // Путь: Орган русской религиозной мысли. М., 1992. Кн. I, с. 66.

³⁴ Бердяев, Н. А. О русских классиках. М., 1993, с. 330.